

Платон

ИСКУССТВО МЫСЛИ

МУДРОСТЬ
КАК ИСКУССТВО

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
ПЗ7

12+

Издание для досуга

Платон

ИСКУССТВО МЫСЛИ

Ответственный за выпуск *И. В. Резько*

Подписано в печать 01.12.2017.

Формат 84x108^{1/16}.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж экз. Заказ

ООО «Издательство АСТ».

129085, г. Москва, ул. Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, комната 39

www.ast.ru

Платон.

ПЗ7 Искусство мысли / Платон. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 192 с.: ил. — (Мудрость как искусство).

ISBN 978-5-17-983304-8.

Имя Платона известно всякому образованному человеку. Его знаменитые диалоги обращены к каждому, кто открыт глубоким философским идеям и готов к напряженной работе мысли и духа. Живая форма повествования, имеющая немалую художественную ценность, вовлекает читателя в беседу с более чем достойным оппонентом. В настоящее издание включены такие важнейшие диалоги, как «Апология Сократа», «Критон» и «Федон». Все они объединены общей темой: личностью учителя Платона — Сократа, суд над которым, нахождение в заключении и смерть, описанные его учеником, вот уже две с половиной тысячи лет служат поводом для горячих споров и глубоких размышлений о душе, о справедливости, о верности себе. Книга будет интересна широкому кругу читателей, которые искренне ценят мудрость как подлинное искусство жизни.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

© Оформление, обложка, иллюстрации
ООО «Интеджер», 2017

© В оформлении использованы материалы,
предоставленные Фотобанком Shutterstock, Inc.,
Shutterstock.com, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-983304-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Искусство человеческой мысли не знало более талантливого творца, нежели Платон (428/427—347 гг. до н.э.). Его могучий разум проникал в основы мироздания и постигал тайны человеческой природы. Ему открывались загадки устройства Вселенной и общества, от строения вещества до государственного устройства, от основ права и этики до учения об идеях и душе. Влияние великого мыслителя нашло отражение в работах подавляющего большинства европейских и ближневосточных философов, и можно без преувеличения утверждать, что его труды лежат в основе современных культуры и цивилизации.

Истории было угодно, чтобы работы Платона дошли до наших дней полностью. Большая их часть написана в виде диалогов. В них прямое обращение к собеседнику делает аргументы автора особенно наглядными, а сложные философские идеи — доступными для восприятия и понимания. Важнейшую роль в этих диалогах Платон отвел Сократу — учителю, соратнику, старшему другу. Ему посвящены и работы, составившие настоящую книгу: «Апология Сократа», «Критон» и «Федон». Первые два диалога относятся к раннему периоду творчества Платона, последний — к периоду зрелости. Их выбор раскрывает отношение автора к таким извечно актуальным темам, как справедливость и закон, добродетель и знание, душа и идея.

Сюжетно диалоги повествуют о заключительном этапе жизни Сократа, человека, который был первым философом в современном смысле слова. Именно он своими парадоксальными беседами привлек внимание к изучению человека, его личности, мыслей, души. Но Сократ не оставил письменных трудов, учение его дошло до наших дней во многом благодаря произведениям Платона.

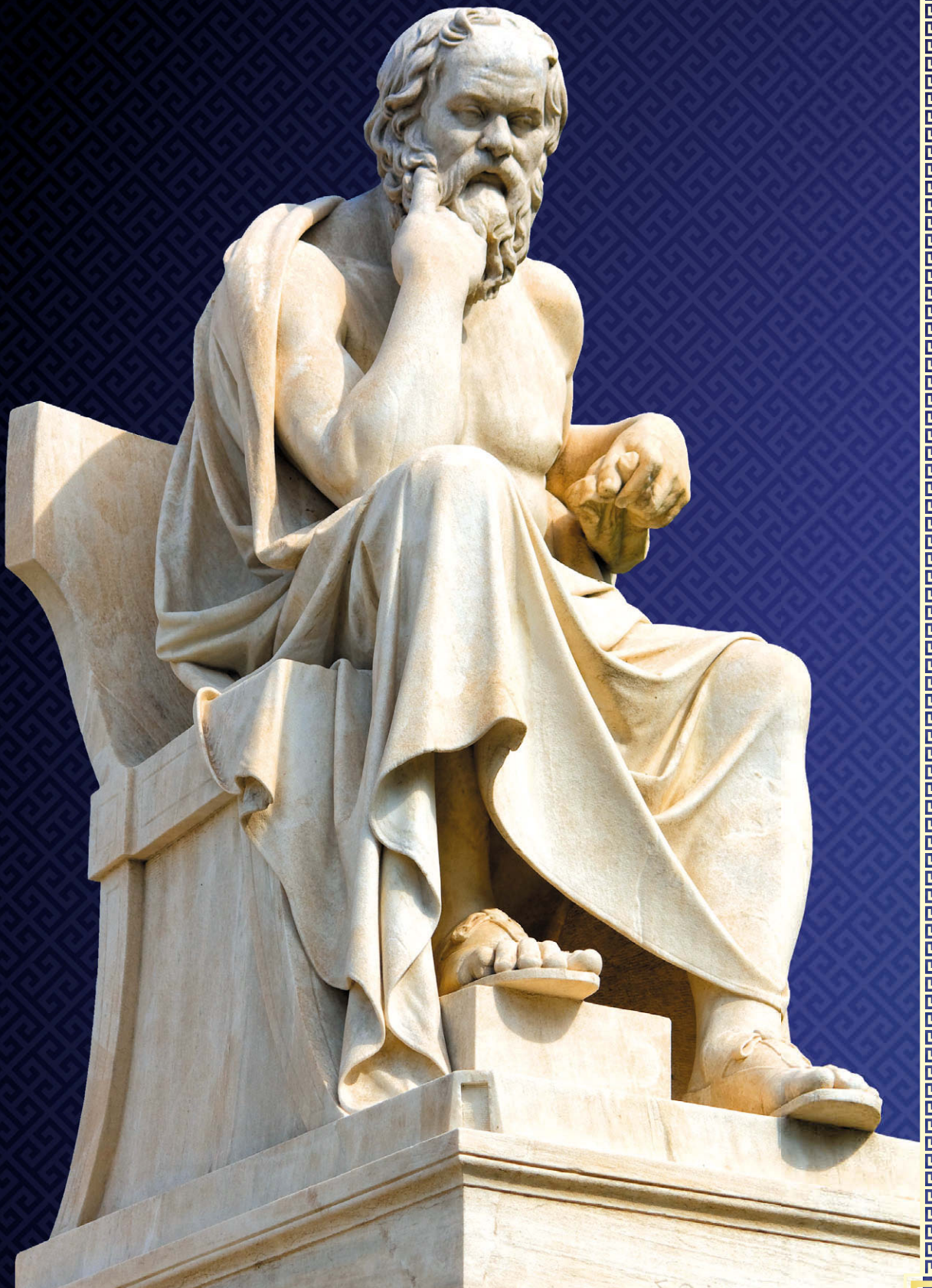
В диалогах Платона повествуется о трагичной судьбе философа: в напряженной политической обстановке — после поражения демократических Афин в Пелопоннесской войне, краткого правления тридцати тиранов и восстановления демократии — Сократ был обвинен в том, что вводит новых богов и развращает молодежь. Он был осужден, приговорен к смерти, отказался бежать из Афин и выпил яд.

Описанию суда над Сократом посвящен первый из диалогов, представленных в этой книге, — «Апология Сократа». По большей части это монолог. Платон излагает три речи, произнесенные его учителем на суде: защитительную, речь после вынесения обвинения и речь после вынесения приговора. Вместо того чтобы просить о снисхождении, Сократ категорически отвергает все обвинения и сам выступает в роли обличителя. Он осуждает и тех, кто мелочно донес на него, и афинян в целом, упрекая их в лености духа, скудости мысли, порочности и малодушии перед лицом тех самых богов, о благополучии которых пекутся обвинители. В этой работе Платона устами Сократа поднимаются вопросы справедливости законов и основ государства, добра и зла, смерти и бессмертия. Второй диалог, «Критон», переносит нас в тюрьму, где Сократ ожидает смерти. Отказываясь от побега, философ говорит, что верен своей родине, а значит, должен повиноваться ее законам. При этом он утверждает, что, отстаивая собственное мнение, нужно не подчиняться решениям слабого большинства, а прислушиваться к мнению действительно разумных людей. В этом диалоге раскрывается отношение философа к законам и справедливости.

Третий диалог, «Федон», повествует о последнем дне жизни Сократа. Готовясь умереть, мыслитель размышляет о душе. Эта работа приводится в сокращении, но в полной мере отражает искусство, с которым Платон излагает сложнейшие философские идеи и воздает дань памяти своему великому учителю.

Смерть Сократа. Жан-Франсуа-Пьер Пейрон.

ПОСЛЕ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕЙ

- 17 Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Тем не менее, говоря без обиняков, верного они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному — тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас же будут опровергнуты мною на деле, как только окажется, что я вовсе не силен в красноречии, это с их стороны показалось мне всего бесстыднее, конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; а если это они понимают, то я готов согласиться, что я — оратор, только не на их образец. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите ее всю. Только уж, клянусь

Зевсом, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов.

С Ибо я верю, что то, что я буду говорить, — правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью.

Так вот я и прошу вас убедительно и умоляю, о мужи афиняне: услышавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, не удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума.

Д Дело-то вот в чем: в первый раз пришел я теперь в суд, будучи семидесяти лет от роду; так ведь здешний-то язык просто оказывается для меня чужим, и как вы извинили бы меня, если бы я, будучи в самом деле чужеземцем,

18 говорил на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, — позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош — все равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьи, долг же оратора — говорить правду.

И вот правильно будет, о мужи афиняне, если сначала я буду защищаться против обвинений, которым подвергался раньше, и против первых моих обвинителей, а уж потом против теперешних обвинений и против теперешних обвинителей.

Пир Платона. Ансельм Фейербах.

- В Ведь у меня много было обвинителей перед вами и раньше, много уже лет, и все-таки ничего истинного они не сказали; их-то опасюсь я больше, чем Анита с товарищами. И эти тоже страшны, но те еще страшнее, о мужи! Большинство из вас они восстанавливали против меня, когда вы были детьми, и внушали вам против меня обвинение, в котором не было ни слова правды, говоря, что существует некий Сократ, мудрый муж, который испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду.
- С Вот эти-то люди, о мужи афиняне, пустившие эту молву, и суть страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, что тот, кто исследует подобные вещи, тот и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом — обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого.
- Д Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только сочинителей комедий. Ну а все те, которые восстанавливали вас против меня по зависти и злобе или потому, что сами были восстановлены другими, те всего неудобнее, потому что никого из них нельзя ни привести сюда, ни опровергнуть, а просто приходится как бы сражаться с теньями, защищаться и опровергать, когда никто не возражает.

Е Так уж и вы тоже согласитесь, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни — обвинившие меня теперь, а другие — давнишние, о которых я сейчас говорил, и признайте, что сначала я должен защищаться против давнишних, потому что и они обвиняли меня перед вами раньше и гораздо больше, чем теперешние. Хорошо.

- 19 Итак, о мужи афиняне, следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится между вами. Желал бы я, разумеется, чтобы так оно и случилось, и чтобы защита моя была успешной, конечно, если это к лучшему и для вас, и для меня. Только я думаю, что это

трудно, и для меня вовсе не тайна, какое это предприятие. Ну да уж относительно этого пусть будет, как угодно богу, а закон следует исполнять и защищаться.

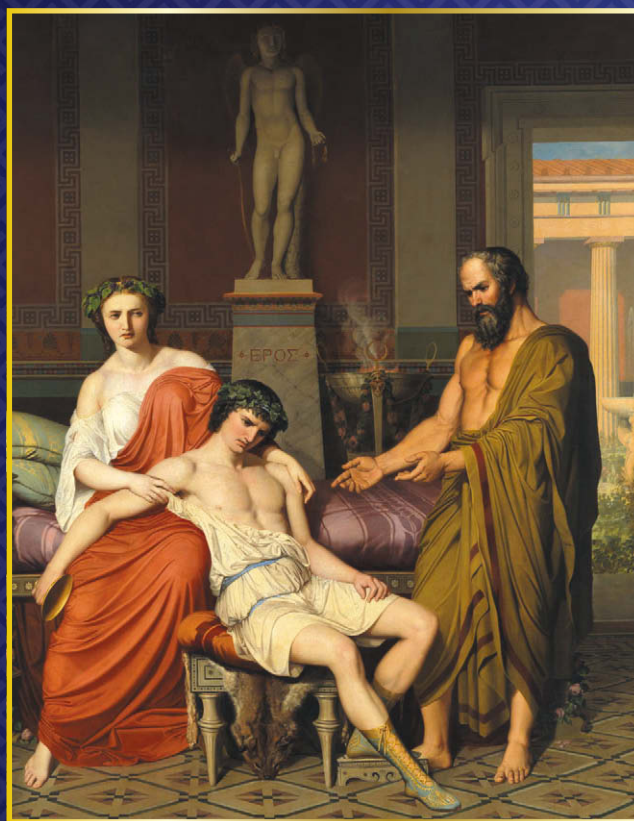
В Припомним же сначала, в чем состоит обвинение, от которого пошла обо мне дурная молва, полагаясь на которую, Мелет и подал на меня жалобу. Хорошо. В каких именно выражениях клеветали на меня клеветники? Следует привести их показание, как показание настоящих обвинителей: Сократ преступает закон, тщетно испытывая то, что под землею, и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же.

Сократ учит Перикла. Николя Гибаль.

- С Вот в каком роде это обвинение. Вы и сами видели в комедии Аристофана, как какой-то Сократ болтается там в корзинке, говоря, что он гуляет по воздуху, и несет еще много разного вздору, в котором я ничего не смыслю.
- Д Говорю я это не в укор подобной науке и тому, кто достиг мудрости в подобных вещах (недоставало, чтобы Мелет обвинил меня еще и в этом!), а только ведь это, о мужи афиняне, нисколько меня не касается. А в свидетели этого призываю большинство из вас самих и требую, чтобы это дело обсудили между собою все те, кто когда-либо меня слышал; ведь из вас много таких. Спросите же друг у друга, слышал ли кто из вас когда-либо, чтобы я хоть сколько-нибудь рассуждал о подобных вещах, и тогда вы узнаете, что настолько же справедливо и все остальное, что обо мне говорят.
- Е А если еще кроме всего подобного вы слышали от кого-нибудь, что я берусь воспитывать людей и зарабатываю этим деньги, то и это неправда; хотя мне кажется, что и это дело хорошее, если кто способен воспитывать людей, как, например, леонтинец Горгий, кеосец Продик, элидец Гиппий.
- 20 Все они, о мужи, разъезжают по городам и убеждают юношей, которые могут даром пользоваться наставлениями любого из своих сограждан, оставлять своих и поступать к ним в ученики, платя им деньги, да еще с благодарностью. А вот и еще, как я узнал, прожива-

*Сократ, упрекающий Алкивиада
в доме куртизанки. Герман Эрнандес
Аморес.*

ет здесь один ученый муж с Пароса. Встретился мне на дороге человек, который переплатил софистам денег больше, чем все остальные вместе, — Каллий, сын Гиппоника; я и говорю ему (а у него двое сыновей): «Каллий! Если бы твои сыновья родились жеребятами или бычками, то нам следовало бы нанять для них воспитателя, который бы усовершенствовал присущую им породу, и человек этот был бы из наездников или земледельцев; ну а теперь, раз они люди, кого думаешь взять для них в воспитатели? Кто бы это мог быть знатоком подобной доблести, человеческой или гражданской? Полагаю, ты об этом подумал, приобретя сыновей? Есть ли таковой, спрашиваю, или нет?» «Конечно, — отвечает он, — есть». «Кто же это? — спрашиваю я. Откуда он и сколько берет за обучение?» «Эвен, — отвечает он, — с Пароса, берет по пяти мин, Сократ». И благословил я этого Эвена, если правда, что он обладает таким искусством и так недорого берет за обучение. Я бы и сам чванился и гордился, если бы был искусен в этом деле; только ведь я в этом не искусен, о мужи афиняне! Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эти клеветы? В самом деле, если бы сам ты не занимался чем-нибудь особенным, то и не говорили бы о тебе так много.

В Скажи нам, что это такое, чтобы нам зря не выдумывать». Вот это, мне кажется, правильно, и я сам постараюсь вам показать, что именно дало мне известность и навлекло на меня клевету. Слушайте же. И хотя бы кому-нибудь из вас показалось, что я шучу, будьте уверены, что я говорю сущую правду. Эту известность, о мужи афиняне, получил я не иным путем, как благодаря некоторой мудрости. Какая же это такая мудрость? Да уж, должно быть, человеческая мудрость.

Е Этой мудростью я, пожалуй, в самом деле мудр; а те, о которых я сейчас говорил, мудры или сверхчеловеческой мудростью, или уж не знаю, как и сказать; что же меня касается, то я, конечно, этой мудрости не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжет и говорит это для того, чтобы оклеветать меня. И вы не шумите, о мужи афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно; не свои слова буду я говорить, а сошлюсь на слова, для вас достоверные. Свидетелем моей мудрости, если только это мудрость, и того, в чем она состоит, я приведу вам бога, который в Дельфах. Ведь вы знаете Херефонта. Человек этот смолоду был и моим, и вашим приверженцем, разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами.

21 И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неудержим во всем, что бы ни затевал. Ну вот же, приехав однажды в Дельфы, дерзнул он обратиться к оракулу с таким вопросом. Я вам сказал не шумите, о мужи! Вот он и спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее меня, и Пифия ему ответила, что никого нет мудрее. И хотя сам он умер, но вот брат его засвидетельствует вам об этом.

В Посмотрите теперь, зачем я это говорю; ведь мое намерение — объяснить вам, откуда пошла клевета на меня. Услыхав это, стал я размышлять сам с собою таким образом: что бы такое бог хотел сказать и что это он подразумевает? Потому что сам я, конечно, нимало не сознаю себя мудрым; что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не может же он лгать: не полагается ему это. Долго я недоумевал, что такое он хочет сказать; по-

Дельфийская жрица. Джон Кольер.

Оракул. Камилло Миола.

С том, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что тут-то я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну и когда я присмотрелся к этому человеку — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого, я увидел то, что я увидел, был одним из государственных людей, о мужи афиняне, — так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня.

Д Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не

Посещение Оракула. Джон Уильям Уотерхаус.

знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидел то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие. Ну и после этого стал я уже ходить по порядку. Замечал я, что делаюсь ненавистным, огорчился этим и боялся этого, но в то же время мне казалось, что слова бога необходимо ставить выше всего. Итак, чтобы понять, что означает изречение бога, мне казалось необходимым пойти ко всем, которые слывут знающими что-либо.

22 И, клянусь собакой, о мужи афиняне, уж вам-то я должен говорить правду, что я поистине испытал нечто в таком роде: те, что пользуются самою большою славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию бога, чуть ли не самыми бедными разумом, а другие, те, что считаются похуже, — более им одаренными. Но

нужно мне рассказать вам о том, как я странствовал, точно я труд какой-то нес, и все это для того только, чтобы прорицание оказалось неопровергнутым.

В После государственных людей ходил я к поэтам, и к трагическим, и к дифирамбическим, и ко всем прочим, чтобы на месте уличить себя в том, что я невежественнее, чем они. Брал я те из их произведений, которые, как мне казалось, всего тщательнее ими отработаны, и спрашивал у них, что именно они хотели сказать, чтобы, кстати, и научиться от них кое-чему. Стыдно мне, о мужи, сказать вам правду, а сказать все-таки следует. Ну да, одним словом, чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами.

С Таким образом, и относительно поэтов вот что я узнал в короткое время: не мудростью могут они творить то, что они творят, а какую-то прирожденную способностью и в исступлении, подобно гадалкам и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят. Нечто подобное, как мне показалось, испытывают и поэты; и в то же время я заметил, что вследствие своего поэтического дарования они считали себя мудрейшими из людей и в остальных отношениях, чего на деле не было. Ушел я и оттуда, думая, что превосхожу их тем же самым, чем и государственных людей. Под конец уж пошел я к ремесленникам.

Д Про себя я знал, что я попросту ничего не знаю, ну а уж про этих мне было известно, что я найду их знающими много хорошего. И в этом я не ошибся: в самом деле, они знали то, чего я не знал,

и этим были мудрее меня. Но, о мужи афиняне, мне показалось, что они грешили тем же, чем и

*Поэт Анакреонт
и его музы. Норберт
Шрёдль.*

- Е поэты: оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли мне так, как есть, не будущий ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть.
- 23 Вот от этого самого исследования, о мужи афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели, притом как нельзя сильнее и глубже, отчего произошло и множество клевет, а с другой стороны, начали мне давать это название мудреца, потому что присутствующие каждый раз думают, что сам я мудр в том, относительно чего я отрицаю мудрость другого. А на самом деле, о мужи, мудрым-то оказывается бог, и этим изречением он желает сказать,

Диоген и Платон. Маттиа Прети.

В что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе ничего не стоит, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем для примера, все равно как если бы он говорил, что из вас, о люди, мудрейший тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего-то по правде не стоит его мудрость. Ну и что меня касается, то я и теперь, обходя разные места, выискиваю и допытываюсь по слову бога, не покажется ли мне кто-нибудь из граждан или чужеземцев мудрым, и, как только мне это не кажется, спешу поддержать бога и показываю этому человеку, что он не мудр. И благодаря этой работе не было у меня досуга сделать что-нибудь достойное упоминания ни для города, ни для домашнего дела, но через эту службу богу пребываю я в крайней бедности. Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, у которых всего больше досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь пытаться других; ну и я полагаю, что они находят многое множество таких, которые думают, что они что-то знают, а на деле ничего не знают или знают одни пустяки. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который развращает молодых людей. А когда спросят их, что он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, но, чтобы скрыть свое затруд-

С

Д

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Апология Сократа	7
Критон, или О должном	61
Федон, или О душе	91

Алкивиад и Сократ. Марчелло Бачиарелли.